

УДК 930+001(09)(470)

doi: 10.18101/2305-753X-2017-3-90-95

**РОССИЙСКОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В 30-е ГОДЫ XX в.:
ЛЮДИ И СУДЬБЫ**

© Полянская Оксана Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Бурятский государственный университет

E-mail: PolGrab@mail.ru

В рамках знакового события российской истории — 80-летие начала «Большого террора» — в статье рассматривается научная деятельность ряда ученых–монголоведов, чья жизнь трагически оборвалась в 1930-е гг. Выбор имен востоковедов неслучаен, их судьбы тесным образом переплетались не только в сфере научной деятельности, но и объединялись сложным историческим периодом, учителями — всемирно известными учеными, местом работы, годом трагической кончины. Понимание того, насколько печальны были последствия репрессий для научного монголоведения, возможно только после глубокого погружения в историю становления этого направления — востоковедения. Учитывая тот факт, что рубеж XIX–XX вв. был так же непростым, и появление исследователей из среды национальной интеллигенции дал новый импульс для дальнейшего развития научного монголоведения, становится ясно, что репрессии покончили с имперской школой монголоведения.

Ключевые слова: научная школа монголоведения в России, С. Ф. Ольденбург, Б. Б. Барадин, Ц. Ж. Жамсарано, Б. О. Будаев, А. И. Востриков, В. А. Казакевич, Д. М. Позднеев.

Российское монголоведение в 30-е годы XX в., как впрочем, и вся наука, пережило трагический период, который стал завершающим в истории науки имперского периода, и ознаменовавший начало нового, советского времени в научной жизни страны. Реорганизация научной структуры в стране началась сразу же после установления власти Советов. Уже в 1918 г. возникло принципиально новое научное ведомство — Коммунистическая академия, она возглавила целый ряд учреждений, направленных на формирование новой идеологии: Институт красной профессуры (ИКП), коммунистические университеты разного направления подготовки, общества ученых–марксистов. Пока шло становление советской науки в организационном плане, прежние научные и учебные учреждения пытались отстаивать свою систему ценностей и оригинальную структуру. Таким образом, вплоть до 1928 г., из-за отсутствия централизованного руководства, в стране продолжали работать и прежние, и новые научные центры. «Подступающая опасность монополизма, несмотря на тревожные предвестия, ощущалась немногими — в основном, представителями наиболее гонимых направлений в области гуманитарных исследований» [1]. Науку ждало полное организационное переустройство, главной целью которого была «концентрация и централизация», для реализации его была создана командная структура, в ее обязанности также вменялось избавиться от властвующих «жрецов науки», оставшихся от старого строя.

Созданная в 1927 г. Всесоюзная ассоциация для содействия работников науки и техники социалистическому строительству (ВАРНИТСО), решала, кроме

открытых задач, и тайные — дискредитация лидеров старой науки и подрыв влияния и материальной базы АН. В течение 1928 г. сотрудники СНК СССР неоднократно назначали встречи непременно секретарю АН Сергею Федоровичу Ольденбургу ((1863–1934) — известному индологу, исследователю фольклора и искусства Индии, народов Центральной Азии. Он в первые годы советской власти пережил не менее шести обысков. Новая власть требовала от С. Ф. Ольденбурга кадровых перестановок — заменить старых членов на партийцев, и, в конце концов, в ультимативной форме заявили, что «правительство десять лет ждало и дало много авансов, но на одиннадцатом году оно поступит с Академией по-своему. Академия наук не сумела понять и занять то положение, которое она должна занять в советском государстве», что фактически означало начало войны против АН, получившей название «дело Академии наук» 1929–1931 гг., [1], в нем называлось и имя С. Ф. Ольденбурга в связи с «находкой» в библиотеке АН оригинала материалов об отречении Николая II от престола, он был снят с поста непременно секретаря АН. Через некоторое время кампания против С. Ф. Ольденбурга была свернута, к «делу АН» приобщен не был. В его судьбу вмешался «высочайший жирный карандаш», вычеркнувший имя Ольденбурга и ряд крупнейших ученых из списка. В 1930 г. он был поставлен во главе новообразованного Института востоковедения АН СССР [2, с. 292].

Круг пострадавших в связи с «делом АН», наверное, не может быть определен вполне точно, так как одновременно с этим делом проходил целый ряд других, куда были втянуты имена людей из списков по «делу АН».

К ученикам и соратникам С. Ф. Ольденбурга судьба была не столь благосклонна, 1937 г. для многих из востоковедов стал последним в их жизни. Базар Барадиевич Барадин (1878–1937) — монголовед, тибетолог, буддолог, а также общественный и государственный деятель, писатель и драматург. Был вольнослушателем вместе с Цыбеном Жамсарано (1880–1942) Санкт-Петербургского университета, где изучали, монгольский, тибетский и санскрит под началом С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского. Тесно сотрудничали со многими ведущими российскими монголоведами в рамках «Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (основан в 1903 г.) такими, как В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, А. Д. Руднев [3], что способствовало их становлению как ученых. Совершили многочисленные поездки с целью сбора, систематизации и изучения фольклорного, литературного наследия монгольских народов к бурятам Забайкалья, а также в Монголию и Тибет. В Тибет Базар Барадин был отправлен в 1905 г. вместе с Далай-ламой, возвращавшимся из Урги. В Тибете несколько месяцев провел в монастыре Лавран, где изучал язык и культуру тибетцев. После Февральской революции 1917 г. вернулся на родину в Бурятию, а с 1936 г. вновь работал в Ленинграде научным сотрудником ИВ АН СССР. Был арестован 22 февраля 1937 г. УНКВД ЛО, обвинен по статьям 58-1а, 7, 8, 9, 11 УК РСФСР. 24 августа 1937 г. ВК ВС СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян [2, с. 53]. Цыбен Жамсарано с 1911 по 1917 г. жил в Монголии и работал переводчиком-драгоманом при Министерстве Иностранных Дел России. Одновременно он исполнял обязанности советника в министерстве просвещения в правительстве Богдо-гэгэна [4]. Арестован 11 августа 1937 г. После длительного следствия (отказывался давать ложные показания) 19 февраля 1940 г. ОСО

при НКВД СССР приговорен к пяти годам исправительных трудовых лагерей. Скончался в 1942 г. [2, с. 162].

В лице Ц. Жамсарано и Б. Барадина Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии получил ответственных сотрудников, большая часть жизни которых проходила в полевых условиях. Их экспедиционная работа всегда имела значительный для научного монголоведения результат. Например, в конце 1909 г. Ц. Жамсарано был командирован в Юго-Восточную Монголию «для собирания образцов народной литературы и материалов по диалектологии». Во время пребывания там им было заказано изготовление копий с некоторых редких рукописей, которые стали поступать в Петербург, благодаря чему был получен новый список летописи «Санань–Сэцэна». Кроме того, Цыбен Жамсарано, Базар Барадин и Алексей Васильевич Бурдуков содействовали организации научных командировок ведущих российских монголоведов в Монголию. В частности, поездка В. Л. Котвича в Монголию в 1912 г. состоялась при их поддержке, особенную помощь здесь оказал Ц. Жамсарано. Сохранилась богатая переписка между учеными, отражающая замыслы поездки, планы, с ней связанные. Даже фрагментарные зарисовки из жизни ученых показывают их роль в развитии научного востоковедения, насколько многогранна была их деятельность, и как много они могли еще сделать на поприще науки.

Тесно переплетается с жизнью Б. Б. Барадина, да и Ц. Ж. Жамсарано судьба исследователя буддийского искусства, художника, ученого-ламы Будаева Осора Будаевича (1887–1937). Они встречались в Урге у Далай-ламы, где Осор Будаев учился у тибетских художников, сопровождавших главу буддистской церкви. О. Б. Будаев так же совершал неоднократные поездки к забайкальским бурятам для сбора буддийских культовых предметов, делал зарисовки кочевого быта бурят. Арестован был в тот же день, что и Б. Барадин, возможно, случайное совпадение, по тем же статьям, расстрелян [2, с. 79]. О. Б. Будаев с 1932 по 1936 г. работал в Музее истории религий в Ленинграде, где вместе с востоковедами из индо-тибетского кабинета Института востоковедения создал экспозицию отдела «Буддизм-ламаизм» [2, с. 79]. Сумел отреставрировать и установить макет рая Сукхавати, привезенного Э. Э. Ухтомским¹³ из бурятских дацанов. Эту работу он выполнил при содействии монголоведов А. И. Вострикова и В. А. Казакевича, жизнь которых так же оборвалась в 1937 г. Андрей Иванович Востриков (1904–1937) — тибетолог, индолог, монголовед. Ученик Ф. И. Щербатского, под его руководством освоил санскрит и тибетский язык. Учителем монгольского языка у него был Б. Я. Владимирцов. В 1927–1932 гг. ежегодно лето проводил в Агинском дацане, где с помощью бурятских лам изучал тибетский перевод индийского философского сочинения и комментарии к ним. Казакевич Владимир Александрович (1896–1937) — монголовед-историк, преподаватель монгольского языка. В 1920-е годы работал в Монголии, сотрудничал с Монгольским Ученым

¹³ Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921), буддолог, дипломат, предприниматель, редактор-издатель «Санкт-Петербургских ведомостей», публицист и поэт, князь. Окончил ист.-фил. ф-т Санкт-Петербургского ун-та; служил в департаменте духовных дел иностранных исповеданий, несколько раз командировался в Сибирь и Среднюю Азию для изучения «инородцев-буддистов».

комитетом, который создал и возглавил Ц. Ж. Жамсарано. Имел огромный опыт экспедиционной работы.

Для научного монголоведения России характерна преемственность поколений, передающих накопленный опыт исследовательской работы, колоссальный объем знаний по языку, истории, культуре монгольских народов. Жизни и судьбы названных героев объединяют не только обстоятельства сложной исторической эпохи, прервавшей их динамично развивающийся научный потенциал, но и учителя — авторитетные ученые, знатоки Востока, которые способствовали становлению и реализации своих учеников, придавая тем самым мировую значимость российской школы монголоведов. Учителя — это и С. Ф. Ольденбург, и Ф. И. Щербатской, В. Л. Котвич и А. Д. Руднев, и Б. Я. Владимирцов, и братья Позднеевы: Алексей и Дмитрий.

Алексей Матвеевич (1851–1920) и Дмитрий Матвеевич (1865–1937) Позднеевы — известные российские востоковеды второй половины XIX–начала XX вв., внесшие огромный вклад в изучение современной истории Монголии, Китая, Японии. Алексей Позднеев известен как монголовед, Дмитрий — как японовед, однако следует отметить географическую широту их научных интересов. Дмитрий Матвеевич, служа на дипломатической работе в Китае, совершал поездки в Монголию, таким образом, был не только исследователем современной политической экономической ситуации в этих странах, но и непосредственным участником многих событий, касающихся российско–монгольских, российско–китайских отношений. Судьба ученых тесным образом была связана с историей Восточного института во Владивостоке, учрежденного в 1899 г. по инициативе министра финансов России С. Ю. Витте. В задачи института входила подготовка кадров, владеющих восточными языками, для дипломатических, коммерческих, религиозных и военных учреждений. А. М. Позднеев, первый директор (1899–1903) института, его сменил Дмитрий Матвеевич в 1904 г.

Интересными являются материалы о Монголии начала XX века Дмитрия Матвеевича Позднеева, неопубликованные до сегодняшнего дня, они касаются, прежде всего, торгово-экономических отношений России и Монголии рубежа XIX–XX вв., а также периода после провозглашения независимости Внешней Монголией. По праву Дмитрия Матвеевича можно назвать продолжателем «научной постановки изучения современной Монголии» своего брата. В своих статьях (неопубликованных) он актуализирует вопрос изучения Монголии XX в. [5].

1917 г. стал поворотным в судьбе Алексея Матвеевича Позднеева — старшего из братьев, который оказался за пределами Петрограда, на территории Донской республики (образована в 1918 г.), где и умер в 1920 г., оставшись без средств к существованию [6]. Дмитрия Матвеевича Позднеева считают в большей степени японистом, но он занимался историей и Китая, и Монголии. Долгое время жил и работал в Китае, в пекинском отделении Русско-Китайского банка, в 1906–1910 гг. проживал в Японии, где основательно изучил японский язык, став первым в России ученым, создавшим труды по истории и филологии Японии. Столь обширная география его жизни печально отразилась на его судьбе; хотя он и старался быть полезным новой советской власти, писал даже работы на актуальные темы для нового периода в истории нашей страны, видимо, надеясь искупить свое «сомнительное прошлое». Арестован 1 октября 1937 г.; обвинен по ст.

58-6, 11 УК РСФСР. 20 октября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР приговорен «в особом порядке» к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян в Ленинграде [2, с. 305].

Таким образом истреблялись «вредители», властвующие «жрецы науки», оставшиеся от старого строя, а так же их ученики, другими словами, вся научная школа монголоведения, получившая значительный импульс развития на протяжении всего XIX и первых двух десятилетий XX вв., когда была выстроена целая система подготовки научных кадров востоковедов, главной составляющей которой были научные командировки в страну, которую изучает исследователь. Поэтому неслучайно, что одним из доминирующих обвинений в адрес монголоведов, было обвинение по статье 58.1а УК РСФСР — шпионаж, как правило, в пользу Японии. Так же инкриминировали общение с представителями русской иммиграции, будучи в заграничных командировках, а некоторым, которым удалось побывать за рубежом в 1930-е гг. предъявляли «содействие приходу к власти Гитлера» и пр.

Литература

1. Алпатов В. М. Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 1 (53). С. 199–216.
2. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
3. Полянская О. Н. Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. История. Вып. 7/2013. С. 123–130.
4. Полянская О. Н. Сотрудничество В. Л. Котвича и Ц. Ж. Жамцарано в изучении монгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. Т. 25. Вып. 3. 2016. С. 140–147.
5. Полянская О. Н. Восточный институт во Владивостоке, его роль в изучении Монголии. Востоковеды Алексей и Дмитрий Позднеевы // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1: сб. науч. тр. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 308–319.
6. Институт восточных рукописей РАН (ИВР РАН), ф. 44, оп. 3, д. 6, л. 17, 18.

References

1. Alpatov V. M. Filologi i revolyutsiya // Novoe literaturnoe obozrenie. 2002. № 1 (53). pp. 199–216.
2. Lyudi i sud'by. Bibliograficheskii slovar' vostokovedov — zhertv politicheskogo ter-rorav so-vetskii period (1917–1991) / sost.: Ya.V. Vasil'kov, M. Yu. Sorokina. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 496 p.
3. Polyanskaya O. N. Mongolovednye napravleniya v issledovaniyakh Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Vyp. 7/2013. pp. 123–130.
4. Polyanskaya O. N. Sotrudnichestvo V. L. Kotvicha i Ts. Zh. Zhamtsarano v izuchenii mongol'skikh narodov // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. T. 25. Vyp. 3. 2016. pp. 140–147.
5. Polyanskaya O. N. Vostochnyi institut vo Vladivostoke, ego rol' v izuchenii Mongolii. Vostokovedy Aleksei i Dmitrii Pozdneevy // Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka. Kn. 3. Ch. 1: sb. nauch. tr. Irkutsk; Ulan-Bator: Izd-vo BGUEP, 2014. pp. 308–319.
6. Institut vostochnykh rukopisei RAN (IVR RAN), f. 44, op. 3, d. 6, l. 17, 18.

RUSSIAN MONGOLIAN STUDIES IN THE 30s OF THE 20th CENTURY:
PEOPLE AND FATES

Oksana N. Polyanskaya
Cand. Sci (History), A/Prof.
Buryat State University
E-mail: PolGrab@mail.ru

Within the landmark event in the Russian history — the 80th anniversary of the beginning of the “Great Terror” — the article examines the scientific activity of a number of scientists in Mongolian studies, whose life ended tragically in the 1930s. The choice of the names of orientologists is not accidental, their fates were closely intertwined not only in the sphere of scientific activity, but they were also united by a complex historical period, by teachers — world-famous scientists, a place of work, a year of tragic decease. Understanding how sad the consequences of repressions were for scientific Mongolian studies is possible only after a deep immersion in the history of the formation of this direction of oriental studies. Taking into account the fact that the turn of the 19th and 20th centuries was also difficult, and the emergence of researchers from the national intelligentsia gave a new impulse to the further development of the scientific Mongolian studies, it became clear that the repressions had ended the imperial school of Mongolian studies.

Keywords: scientific school of Mongolian studies in Russia, S. F. Oldenburg, B. B. Baradin, Ts. Zh. Zhamsarano, B. O. Budaev, A. I. Vostrikov, V. A. Kazakevich, D. M. Pozdnev.